

Аспекты построения психологической теории

Виктор Петренко

БАЗОВЫЕ МЕТАФОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ*

Аннотация. Статья посвящена тем ментальным установкам, имплицитным моделям, базовым метафорам, которые задают специфику парадигмы той или иной психологической теории. Также обсуждается социальный климат и духовные ценности, в атмосфере которых создавались психологические теории.

Ключевые слова: имплицитные модели, базовые метафоры, психосемантика, психологические теории.

Abstract. The article is devoted to the mental attitude, implicit models and basic metaphors, which make specifics of a paradigm in any psychological theory. It also describes the social climate and moral values within that the psychological theories had been created.

Keywords: implicit models, basic metaphors, psychosemantics, psychological theories.

Базовые метафоры
многочисленных
школ

За наличием многочисленных школ в психологии стоит гораздо меньшее число базовых метафор, имеющих, как правило, характер визуального образа или образа действия, и задающих тот смысловой корень, из которого произрастают психологические теории. Поясним на примере. А. А. Богданов в своей фундаментальной монографии «Тектология: Всеобщая организационная наука», которая многими учеными рассматривается как предвестница кибернетики, предвосхитившая ряд положений «Теории систем» фон Берталанди (1969), показал, что «основной метафорой» (в терминах Богданова) в познании мира в первобытном обществе были племенные отношения внутри самого этого обще-

* Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ, грант № 11-06-12023-офи-м-2011 и грант №11-06-00196а.

ства, как материал наиболее близкий и освоенный людьми. «Общенародный язык во всей широте сохраняет основную метафору. В нем суждения или «предложения», относящиеся к человеческим и социальным активностям, организуются совершенно одинаково с теми, которые относятся к активностям стихийным; например, подлежащим может являться предмет живой или неодушевленный, конкретный или отвлеченный, символ тела или процесса, или действия; один и тот же глагол, одно и то же прилагательное может выступать как сказуемое при всех этих разнородных подлежащих, то есть как их прямая характеристика. Соответственно расчленению семьи, этой до сих пор основной социальной ячейки, все компоненты внешней природы, все абстракции идеального мира в большинстве языков разделяющихся на мужчин, женщин и сексуально неоформившихся детей, ибо никакого иного смысла не имеет деление существительных на роды: мужской, женский и средний. Этот своеобразный монизм легко проследить по всей линии грамматики» [1, с.46].

Язык несет в себе пласт архаичного мышления и миропонимания

Русский язык несет в своей грамматике и синтаксисе огромный пласт архаичного мышления и миропонимания. В своё время мы (Б. А. Ермолаев, В. Ф. Петренко) ввели понятие «псевдо действие», для обозначения присутствующего русскому языку феномена описания предметной ситуации по аналогии с человеческим действием [2].

Рассмотрим, например, предложение «книга лежит на столе». Мало того, что в ситуации пространственного взаимоотношения двух объектов, меньшему по размеру – «книге» – приписывается роль подлежащего, то есть субъекта, который совершает антропоморфное действие (разлеглась, понимаешь!). Этому субъекту (то есть книге) приписывается ещё и половая принадлежность: «книга – она», при полном отсутствии, каких либо половых признаков. Описание окружающей реальности через её антропоморфизацию, то есть наделение природных процессов человекоморфными свойствами качествами, и использование в качестве модели – наиболее знакомое собственные действия в мире, и составляет первейшую базовую метафору житейской психологии.

Человек одушевляет природу, приписывая ей субъектность

Древний человек (по аналогии с самим собой) одушевлял природу, приписывая природным процессам субъектность. Сравним предложения: «Я иду домой» и «Идет дождь»; «Ветер качает деревья» и «Мать качает люльку с ребенком»; «Анастасия выглянула из-за плетня» и «Солнце выглянуло из-за туч». В этих предложениях как человек, так и разного рода природные про-

Глубинный уровень
смысловых ролей

цессы и стихии выступают в роли подлежащего, обозначающего активный агент действия.

Отметим, что для снятия этого архаического, уходящего в седую древность феномена антропоморфизации неживой природы, присущего нашему языку, в падежной грамматике Ч. Филмора вводится глубинный уровень смысловых ролей («семантических падежей»), соответствующий современным представлениям о человеческой деятельности и природных процессах [3]. Так, в «падежной» грамматике Ч. Филмор ввел семантические роли «агента» – некоего субъекта деятельности, которым может быть только живое существо. См., например, предложение «Собака укусила прохожего», где в роли агента выступает «собака», а «прохожий» выступает в роли объекта воздействия (а не субъекта), так как он не обладал никаким намерением быть укушенным. «Музыка взволновала меня». В этом предложении «я» не являюсь активным агентом, а скорее существом страдательным и «мне» отводится роль «пациенса». Другой пример роли «пациенса»: «я влюбился», где «я» не являюсь активным субъектом, поскольку нечто произошло со мной, возможно, и помимо моей воли. Хотя на поверхностном грамматическом уровне в первом примере слово «музыка» занимает место подлежащего, на глубинном семантическом уровне она имеет роль «инструмента воздействия» или «средства». Аналогично тому, как в предложении: «я иду пешком», (т.е. ногами) – ноги выполняют роль «средства-инструмента». Проблему выделения «смыслового подлежащего», отличного от грамматического, ставил еще Л. С. Выготский в книге «Мышление и речь» [4].

Процесс
метафоризации
в мышлении

Процесс метафоризации заключается в мышлении по аналогии, когда характеристика одного, более или менее известного объекта, события, процесса, состояния переносятся на другой объект, сходный с первым по перцептивному образу, функциональному значению или эмоциональному тону (коннотации), и первый выступает моделью второго, позволяя извлекать из этой аналогии дополнительную информацию.

Метафора помогает
осваивать
неисследованные
области познания

С помощью метафоры человечество осваивает новые неисследованные области познания, бросая на зыбкую почву незнаемого представления и понятия освоенного мира. Одна из самых продвинутых наук – физика – просто пестрит «стершимися метафорами». Начиная от понятия «поле», «напряжение», «сила» в классической физике до современных «теории струн», «аромата частиц» в атомной физике; «черных дыр», «червоточин», «кротовых ходов» и т.п. в космологии.

В психологии также можно встретить слова и выражения почерпнутые из непсихологических наук. «Это могут быть заимствования из математики, физики, геологии: «сфера» «механизм», «слои», «глубины» и подобное» [5]. Психологические теории базируются на широко понимаемой метафоре, будь то разновидность тропа (метафора, метонимия, гиперболы, оксюморон, литота, олицетворение и т. п.) [6], или притча (как «Эдипов комплекс») [7], или даже некий феномен, выступающий ярким примером «прототипом» в терминах Э. Рош (см. Вежбицкая) целой содержательной области (например фи-феномен в гештальтпсихологии или Павловский слюнный рефлекс в бихевиоризме) [8].

Базовые метафоры и дифференциация психологических теорий

Дифференциация психологических теорий может идти по тому, какие базовые метафоры использовались при их построении. При этом «базовые метафоры» не только помогают освоению новых областей науки, но подчас выступают как тормоз, ограничивающий движение вперед. Так, например, «Теория отражения» (часто с дополнением «ленинская»), выступавшая официальной методологией советской науки, базировалась на метафоре «зеркала», отражающего объективную реальность. На Западе ее философским аналогом выступает теория «когерентной истины» [9]. Сыграв положительную роль в психологической науке при изучении процессов восприятия и отчасти памяти, эта метафора оказалась неадекватной применительно к процессам творчества, фантазии, мышления. Как можно отражать то, чего еще нет и что находится в процессе творческой эволюции?

Компьютерная метафора в когнитивной психологии

«Компьютерная метафора» в когнитивной психологии базируется на аналогии работы человеческого мозга и компьютерного процессора. Конечно, и компьютерная метафора имеет существенные ограничения. Так, например, «искусственный интеллект» ограничен невозможностью создания «искусственных эмоций», в то время как их естественные аналоги играют ведущую роль в процессах мышления, задавая взаимодействие «аффекта и интеллекта».

Квантовый компьютер с космическим интернетом

С позиции базовой метафоры «компьютера с интернетом» может быть рассмотрена и набирающая силу «Трансперсональная психология», где в развитии «компьютерная метафора», с моей точки зрения, может быть дополнена образом «квантового компьютера с космическим интернетом». Трансперсональная психология интересуется, в первую очередь, психологическими феноменами, выходящими за рамки индивидуального бытия (психопрактиками, трансовыми состояниями, пережи-

ванием пиковых состояний, религиозным опытом и т.п.). Метафора «компьютера с интернетом» как нельзя лучше подходит к Человечеству как не слишком продвинутому пользователю, открывающему в семантическом пространстве интегрального космического сознания неведомые области.

Базовые метафоры включают в себя аксеологические основания

Различные «базовые метафоры» как «базовые модели мира» включают в себя аксеологические основания, а также этические следствия, вытекающие из той или иной модели мира, других людей, самого себя.

О роли ценностей, имплицитно определяющих развитие науки и техники, писали И. Т. Фролов [10] и В. С. Степин [11]. Ценностно-аксеологический компонент в науке, особенно зримо выступающий в гуманитарном познании, рельефно проявляет себя и в развитии психологической науки. В частности он выражается в тех базовых метафорах, которые лежат в основании того или иного методологического подхода, или (в терминах Т. Куна) научной парадигмы.

Идея взаимосвязи времени появления психологических парадигм с социальным запросом

Так, В. В. Козлов выделяет семь волн в психологии, связанных со сменой социального бытия людей (хотя его типологизация этапов развития психологии явно не является полной и в ней доминирует психотерапевтический акцент) [12]. Из типологии В. В. Козлова выпали при этом гештальтпсихология, когнитивная психология Ж. Пиаже, Дж. Брунера, Дж. Келли, К. Прибрама, культурно-историческая психологии и теория деятельности Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, П. Я. Гальперина, Д. Б. Эльконина. Да и вряд ли психологические школы можно расположить в линейной последовательности следующих друг за другом волн. Ряд из них существовал параллельно друг другу во времени, да и зоны интереса у них, как правило, не совпадали. Но в типологизации В. В. Козлова присутствует *важная идея взаимосвязи времени появления той или иной психологической школы с социальным запросом, с состоянием общественно-политического климата, в рамках и во взаимодействии с коим и формируется новая психологическая парадигма.*

Базовая метафора физиологической психологии.

Если считать основателем психологии В. Вундта и отвлечься от истории работы с сознанием и его измененными формами, идущей из глубин ведической культуры, йоги, дельфийских оракулов; отвлечься от практик медитации на Йидам (божественную сущность) в тантрическом буддизме или от православного исихазма, использующего для достижения измененного состояния сознания Иисусову молитву, от суффийских трансовых танцев

(типа зикра) и т.п., то начало «научной» психологии заложено в физиологической психологии, идентифицирующей психику человека с его организмом. «Можно с уверенностью утверждать, что первые эксперименты в психологии были больше психофизическими, чем психологическими.... И первым предметом психологии является психофизиология органов чувств, ощущений и восприятий. Первые эксперименты с данным предметом (Г. Т. Фехнер) посвящены измерениям ощущений в зависимости от величин физических раздражителей, порогов восприятия и построения психофизических шкал» [12, с.28]. Базовой метафорой физиологической психологии (как и последовавшего за ней бихевиоризма) могла бы быть метафора, идущая от французских просветителей-рационалистов, – образ человека как музыкального инструмента, на котором играет природа. Эти представления, идущие от эпохи французского Просвещения и немецкой философии рационализма, связаны с дехристианизацией Европы (в лице ее просвященной части). «Бог умер», – провозгласил Ф. Ницше, и вновь рождающаяся наука психология отказалась от понятия души как религиозного понятия. Психология, отказавшись от представлений о человеке как образе Божиим, отказалась не только от понятия души, но и от других сопутствующих ей понятий (таких как «творчество», «долг», «честь», «вина», «спасение», «сострадание»).

Человека свели к его биологическому организму

Человека свели к его биологическому механизму. «Именно физиологическая психология стала краеугольным камнем материалистически ориентированной советской психологией, которая, опираясь на концепцию свойств нервной системы, берущую свое начало от работ И. П. Павлова о типах высшей нервной деятельности, разработала целостную универсальную модель психологической науки [12, с.29]. И если в физиологической психологии еще сохранилось идущие от философии понятие «сознание» и «метод интроспекции», то логическое развитие «физиологической психологии» – бихевиоризм – иллюминировал и эти рудименты и атавизмы философии.

Предельно простая формула бихевиоризма

Стимул-реакция – предельно простая формула бихевиоризма, сводящая человека к автомату, где в ответ на внешний стимул запускается поведенческая реакция. Человеком правит внешний стимул. И последнее введение в необихевиоризме «промежуточной переменной» принципиально ничего не меняет в этой парадигме внешнего детерминизма. «Становление бихевиоризма совпало с быстрым развитием промышленно-

сти, усложнением управленческих, образовательных систем в США. Практическое приложение этой теории – введение конвейеров, развитие рекламы, программированного обучения и т.п. [12, с.31]», то есть таких социальных практик, которые базируются на жестко механистической активности или имеют манипуляторский характер управления человеком. Сведение человека к механизму – общий грех менталитета и идеологии двадцатых годов XX века – от искусства (в частности, поэзии футуризма), воспевающего машинный мир, лишённый человеческого сострадания, до политики, ориентированной на однородные утратившие индивидуальность массы: «Бьют барабаны, шагают бараны, кожу на барабаны дают сами бараны» (Б. Брехт).

Грех деперсонализации был присущ тоталитарной идеологии

В предвоенные годы грех деперсонализации был присущ ментальному и идеологическому климату как для стран с явно тоталитарной идеологией (Германия, Италия, Япония, СССР), так и для значительного большинства стран Европы, Северной и Южной Америки. Дехристианизация Европы, России и Америки проявилась и в дегуманизации образа человека, в том числе и в науке психологии. Своеобразной «кармической расплатой» за этот грех дегуманизации стали Первая и Вторая Мировые войны.

Базовые метафоры психоанализа

Развивавшийся параллельно бихевиоризму психоанализ значительно усложнил образ человека, присовокупив к его рациональному Эго, огромный пласт как индивидуального (З. Фрейд) так и коллективного (К. Юнг) бессознательного. «Психоанализ привнес новые субъект – субъектные диалогические отношения личности в отличие от субъект – объектного медико-биологического отношения в физиологической психологии. В психоанализе мы уже видим «живого другого», партнера по взаимодействию, который имеет свой голос и свободен в решении, выборе – вплоть до принятия или не принятия психотерапевтической аналитической игры» [12, с.30]. Базовой метафорой психоанализа может выступить мифологема «Эдипова комплекса», выступающего, по Фрейду, условием формирования личностной идентичности и запуска процесса социализации, выражающегося в идентификации с образом отца, и в стремлении занять его место на ложе с матерью*.

Другой базовой метафорой психоанализа мог бы служить образ парового котла, снабженного золотником как регулятором давления внутри котла. При повышении давления внутри

* Напомним, что в основе мифа о царе Эдипе лежит сексуальное влечение героя к собственной матери и убийство отца как соперника.

котла выше нормы клапан золотника приподнимается, позволяя выйти наружу избыточному пару. Тем самым сбрасывается избыточное давление внутри котла. С позиции кибернетики пример парового котла, снабженного клапаном для сброса избыточного давления, являет собой простейшее гомеостатическое устройство с обратной отрицательной связью, позволяющей поддерживать внутри себя динамическое равновесие. Данная метафора пронизывает ранние работы З. Фрейда, где мотивом свершения действия выступала потребность в динамическом равновесии организма со средой.

Однако в более поздних работах («По ту сторону принципа удовольствия») Фрейд отказывается от гомеостатической модели и на основе феноменологии травматических неврозов, имеющих неадаптивный характер, постулирует «принцип Танатоса», направленного к саморазрушению и смерти и являющегося антиподом «принципа Эроса» – влечения к удовольствию.

Классический психоанализ Фрейда хорошо описывает «человека из подполья», находящего наедине со своими внутренними конфликтами, сексуально закомплексованного, невротичного, истерического, но не затрагивает проблемы социального взаимодействия и духовного развития личности, богоискательства и осознания себя в контексте трансцендентального. Эта тематика развивалась уже в неотрейдилизме трудами К. Юнга, А. Адлера, Э. Фромма, подготавливая почву для появления гуманистической и трансперсональной психологии*.

Базовая метафора
гештальт
психологии

Гештальт психологи (К. фон Эренфельс, М. Вертгеймер, К. Коффка, В. Кёллер, К. Дункер) изучали процессы восприятия и мышления. Базовой метафорой может выступать «феномен Ф-движения», демонстрирующий несводимость целостного образа к сумме отдельных ощущений. Суть его в следующем. Если последовательно зажигать отдельные точечные источники света, расположенные в некоторой последовательности в пространстве, то при определенных соотношениях яркости этих источников, расстояний между ними и временном интервале последующих друг за другом вспышек возникает иллюзия непрерывно движущейся световой полосы («бегущей волны»), визуально не разложимой на отдельные ощущения. Идея неразложимости целостных психических структур на отдельные элементы была продолжена в раз-

* См. об этом: Турецкий М. И. Орел и природа // Методология и история психологии. – 2007. – № 2. – С. 122–134; он же. Строитель Боллингенской башни // Методология и история психологии. – 2009. – № 2. – С. 124–145.

Базовая метафора
когнитивной
психологии

работках когнитивной психологии, возникшей в шести-десятилетие годы прошлого столетия.

Когнитивные психологи Дж Миллер, Г Саймон, А. Ньюэлл, Дж. Брунер, К. Прибрам, Р. Солсо, Дж. Сперлинг, Б. М. Величковский выделили компьютерную метафору, рассматривающую работу мозга человека по аналогии с работой компьютерного процессора. «Согласно этой модели, люди, подобно компьютерам, кодируют символьные входные данные (Input), перекодируют их, принимают решения в их отношении, хранят какую-то их часть в памяти и, наконец, декодируют и выдают символьные выходные данные (output)». Согласно Р. Фрейджеру и Дж. Фейдимену «...в этом диалектическом танце ума и машины, компьютер предстаёт в качестве интригующей метафоры человеческого разума» [13, с.324–326]. Конечно, и компьютерная метафора имеет существенные ограничения. Так, например, «искусственный интеллект» ограничен невозможностью создания «искусственных эмоций», в то время как их естественные аналоги играют ведущую роль в процессах мышления, задавая взаимодействие «аффекта и интеллекта».

Голографическая
модель психических
процессов

Одним из интересных направлений когнитивной психологии является *разработка голографической модели психических процессов*. Голографическая метафора памяти или более широко, психики человека восходит к работам К. Прибрама (1980). Помогая в систематизации результатов исследований известного нейропсихолога К. Лешли по резекции части мозга у животных, К. Прибрам пришел к заключению о том, что память и сформированные навыки у прооперированных животных сохраняются и при удалении обширных зон мозга, то есть сформированные навыки не локализованы в каких-то конкретных областях мозга, а распределены по всему его объему. М. Талбот, опираясь на работы физика Бома и его голограммы [14]. К. Прибрам использовал феномен голограммы как метафору функционирования памяти. Суть физической голограммы заключается в фиксации в материальном носителе (например, на фотопленке) результатов интерференции двух электромагнитных волн, исходящих из когерентных источников. Один из источников является отражением некоего объекта, и при интерференции его и второго источника возникает интерференционная картина в виде темных и светлых колец, фиксирующих наложение двух волн. Если освещать голограмму с помощью луча лазера, то возникает объемное изображение «сфотографированного» в голограмме

объекта. Интересной особенностью голографической матрицы будет то, что отрезанный кусок ее любой величины будет сохранять все целое изображение, которое, тем не менее, будет только меньшей четкости.

Идею сохранности в памяти всего пережитого человеком выражали и экспериментально подтверждали различные исследователи: на нейропсихологическом материале – А.Р. Лурия; на материале визуальной памяти – Б.М. Величковский, в гипнотических опытах – В.В. Кучеренко. Эта идея целостности и сохранности всего пережитого опыта как отдельного человека, так и Человечества органично входит в формирующееся мировоззрение современной трансперсональной и интегративной психологии.

Культурно-историческая психология и теория деятельности имеет долгую историю (от двадцатых годов прошлого века до настоящего дня) и претерпела определенную трансформацию в своих методологических основах.

Л.С. Выготский выдвинул базовые положения культурно исторической психологии, а именно:

1 – Высшие психические процессы (функции у Л.С. Выготского) возникают в ходе интериоризации общественного опыта (культуры);

2 – Процесс интериоризации происходит в ходе социального взаимодействия (ребенок–взрослый, учитель–ученик) и может быть выражена формой «из интер в интро»;

3 – Высшие психические процессы (внимание, память, мышление и т.п.) являются знаково опосредованными, где знаки выступают психическим орудиями, с помощью которых человек управляет процессами собственной психики, делая их произвольными и осознанными [15].

Одно из направлений культурно-исторической психологии заключалось в непосредственном сопоставлении психических процессов у представителей различных культур, находящихся на разном уровне цивилизационного развития. Так, люди, прошедшие школьное образование, отличаются в своём сознании и мышлении от живущих в традиционном обществе и, соответственно, не получивших систематического образования.

Эпиграфом культурно-исторической психологии могло бы стать известное выражение А.Р. Лурия «у узбеков нет иллюзий» присланное (по легенде) телеграммой Л.С. Выготскому по поводу отсутствия визуальных иллюзий у людей, не прошедших школьного образования и, соответственно, не знакомых с перспек-

тивной в живописи. Исследования А. Р. Лурия, проведенные в ходе экспедиции в Узбекистан, выявили у людей с традиционалистским менталитетом, не прошедших школьного образования, феномен неспособности решать силлогизмы и выводить логические следствия исходя из их содержания [16]. На основе этих экспериментов А. Р. Лурия предположил отсутствие рефлексии у представителей традиционных культур.

Однако казахский психолог М. М. Муканов на материале национального фольклора убедительно показал, что пословицы, поговорки, айтесы (юридические прецеденты традиционного права) выполняют ту же функцию рефлексии мышления, что и европейская (идущая от Аристотеля) логика [17].

Тем не менее налицо различие в культурно-исторических средствах-орудиях опосредствования в процессах сознания и мышления, а также форм и уровней обобщения, на которых осуществляются высшие психические процессы у представителей различных культур. Это свидетельствует в пользу подтверждения культурно-исторической психологии.

У теории деятельности нет базовой метафоры своего подхода

Теория деятельности (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, А. В. Брушлинский, О. К. Тихомиров, Н. Ф. Талызина, В. П. Зинченко, К. А. Абульханова-Славская, Ю. Б. Гиппенрейтер и др.) не представила базовой метафоры своего подхода, но неким прототипом подхода (или, как любил выражаться А. Н. Леонтьев, экспериментом «круцис») могло бы выступить его исследование возникновения кожной светочувствительности. В рамках этого исследования высвечиваются все базовые принципы, идущие от культурно-исторического подхода Л. С. Выготского.

Напомним содержание этого эксперимента. А. Н. Леонтьев проецировал на участок ладони испытуемого поток света, который испытуемый, помещавший кисть руки в экспериментальный аппарат, видеть не мог [18]. Благодаря наличию фильтров не мог он и чувствовать тепло этого светового потока. Непосредственно после светового воздействия испытуемого подвергали ударом электрического тока, который испытуемый мог избежать, вовремя отдернув руку.

Согласно теории классического условного рефлекса, у испытуемого при многократном сочетании светового ощущения и удара тока должен был бы сформироваться условный рефлекс отдергивания руки в нужный момент. Но этого не происходило. Требовалась инструкция испы-

Необходима субъективная представленность субъекту воспринимаемого объекта

туемому, исходящая от экспериментатора (вспомним принцип Л. С. Выготского из «интер» в «интро») о том, что ощутив нечто (пациенты описывали ощущение светового потока как прикосновение, например, крыла бабочки и т.п.), он может избежать удара тока, отдернув руку.

Пафос исследований А. Н. Леонтьева состоял в том, что для формирования условного рефлекса (а большинство физиологов в пятидесятых годах прошлого века пытались свести психику к высшей нервной деятельности) необходима субъективная представленность субъекту воспринимаемого объекта (в нашем случае – потока света). Без этой субъективной представленности, – т. е. работы психики, – условный рефлекс не возникает. В противовес физиологам А. Н. Леонтьев показал, что психика не эпифеномен, сопровождающий (как тень) физиологические процессы, а необходимый и весьма существенный компонент физиологии активности.

Другой принципиальный момент, получивший развитие в теории деятельности, связан с собственной активностью познающего субъекта (испытуемого). Ощущение возникает тогда и только тогда, когда абиотический (то есть биологически незначимый) стимул – поток света несет сигнальную функцию о биологически значимом стимуле (ударе электротоком).

Функция знака, несущего информацию о стимуле

В эксперименте А. Н. Леонтьева поток света выполняет функцию своеобразного знака, несущего информацию о биологически значимом стимуле. Таким образом, мы можем наблюдать эмпирическое подтверждение идеи Л. С. Выготского о знаковом опосредовании произвольных психических процессов. Как видим, эксперимент А. Н. Леонтьева с кожей чувствительностью вобрал в себя основные положения культурно-исторического подхода и в силу этого может выступать своеобразной метафорой всего деятельностного подхода, являющегося логическим продолжением культурно-исторической психологии.

Аксиологические, ценностно-мотивационные аспекты теории деятельности

Относительно аксиологических, ценностно-мотивационных аспектов теории деятельности в психологии, стоит отметить, что за длительный срок ее существования (от начала тридцатых годов до дня сегодняшнего) произошли существенные изменения. Отечественная психология прошла путь от революционных лозунгов о необходимости создания марксистской психологии и формирования «нового человека» (этакого «нового советского Адама», если использовать библейский язык), через годы сталинского террора, когда психология была фактически упразднена, а массы психологов

репрессированы (по легенде И. Сталину принадлежат слова о том, что психология военному не нужна, ему требуется дисциплина) до интенсивного развития собственной научной парадигмы во второй половине двадцатого века. Кардинальные изменения российской государственности в политике, экономике, идеологии, не могли не отразиться на методологии и ценностных основаниях отечественной психологии и ее культурно-исторической, деятельностной парадигмы.

Значительное влияние на современное состояние деятельностного подхода в психологии оказали философские принципы постнекласического мышления и рационализма: В. С. Степин [11]; В. А. Лекторский [19], И. Т. Касавин [20]; Л. А. Микешина [21]). Современное развитие культурно-исторической психологии и психологической теории деятельности характеризуется методологическим плюрализмом и широкой интеграцией с другими гуманитарными и естественно-научными подходами и парадигмами*.

Базовые метафоры гуманистической и трансперсональной психологии

Послевоенные пятидесятые, а затем шестидесятые годы – время становления американской, а затем и европейской контркультур, поиска новых смыслов бытия для единичного человека, новых путей развития цивилизации для общества. Обостренная после Мировой войны жажда жизни рождает сексуальную революцию: раскрепощение в эмоциональной сфере порождает революцию в музыке как наиболее интимной сфере выражения бессознательного. Лозунгом нового поколения становится слоган «Make love. Not War». В. В. Козлов и В. В. Майков писали: «По Америке прокатилась очередная коммунистическая волна, на гребне которой создаются духовные коммуны, происходят масштабные эксперименты с новыми стилями жизни и поиски новой общности людей, пытающихся прорваться через ограничивающие стереотипы» [31, с.176].

Окончание Мировой войны ознаменовалось распадом колониальной системы и открытием молодыми американцами духовного опыта Востока.

На создателей трансперсональной психологии А. Маслоу [32], Р. Фрейджера и Д. Фейдимена [13], С. Грофа, С. Криппнера и др. [33]; М. Мэрфи [34], А. Минделла [35], Ч. Тарта [36]; Г. Ханта [37], Р. Уолша

* См. работы А. Г. Асмолова [22]; М. С. Гусельцевой [23]; В. П. Зинченко [24]; Т. В. Корниловой, С. Д. Смирнова [25]; Д. А. Леонтьева [26]; В. Ф. Петренко [27]; В. А. Петровского [28]; Н. Ф. Талызиной [29]; В. С. Умрихина [30].

[38], К. Уилбера [39] и др. оказало огромное влияние знакомство с философией и религией буддизма, индуизма. Большинство из них получало духовный опыт и осваивало психопрактики измененных состояний сознания непосредственно в ашрамах Индии.

Глобализация
человеческого духа

Взаимопроникновение национальных культур, глобализация человеческого духа, распространение психологических практик и психотерапии, подготовленных успехами гуманистической и экзистенциальной психологии, подготовило почву для появления трансперсональной психологии как области психологии, выходящей как за рамки индивидуального бытия человека, так и за рамки социума в допущении существования некоей трансцендентальной реальности, доступной только «пробужденному сознанию».

Трансперсональная
психология и ее
перспективы

В. В. Козлов и В. В. Майков писали: «Трансперсональная психология изучает сознание в широком спектре его проявлений, таких как необычные состояния сознания, духовный кризис, околопсихологические смертные переживания, развитие интуиции, творчества, высшие состояния сознания, личностные ресурсы, парапсихологические феномены и т.д. Она опирается на целостное видение человека в перспективе его духовного роста, классическую и неклассическую философскую антропологию, мировые духовные традиции, разнообразные способы самопознания и психотерапии, такие, как медитация, холотропное дыхание, телесно-ориентированная психотерапия, терапия искусством, работа со сновидениями, активное воображение, самогипноз». [31, с.188].

Трансперсональная психология, таким образом, значительно расширила область изучения психологической реальности, направив внимание на феноменологию, выходящую за рамки личностного или социального бытия. Если для прояснения обсуждаемого состояния дел прибегнуть к притче или анекдоту, то можно сказать, что академическая психология со своим логическим и высоконаучным инструментарием ищет истину «там где светло», где имеются выверенные методы и определен объект исследования, но в своей академичности игнорирует многие экзистенциальные проблемы бытия человека, то трансперсональная психология «ищет черную кошку в темной комнате, которой там может и не быть вовсе».

Трансперсональная психология ассоциируется с путешествием в неведомое, но, в отличие от времени великих географических открытий, путешествие осу-

ществляется внутрь собственного сознания, в глубины бессознательного или же в высокие сферы трансцендентального (при всей многозначности и многоплановости в трактовке этого понятия).

Значимость
наличного состояния
знания

В рамках классической науки принято давать объяснения исходя из наличного состояния знания, предполагая его полноту и способность выстроить целостную и законченную теорию, которая будет трансформирована или отвергнута только уже на новом витке познания. В каждый исторический момент классическая наука знает «все» и должна дать объяснение любым проявлениям бытия. Можно вспомнить трагикомичные увещания маститых физиков конца девятнадцатого века, обращенные к молодой поросли ученых. Увещания о том, что «в физике все уже открыто» и им придется только уточнять энные величины после запятой для мировых констант.

Позднеклассическая
рациональность и ее
методология

Согласно В. С. Степину, методология постнеклассической рациональности, присущая по духу трансперсональной психологии, позволяет в объяснении существование некоторого «люфта незнаемого», наличия понятий, имеющих не научный, а метафорический или мифологический характер [11]. Так, например, в переживании людьми «многообразия религиозного опыта» [40], «пиковых состояний» [32], «выхода в трансцендентальное» [31], воздействия «духов местности» в шаманских камланиях, в трансперсональной психологии не определенным остается «кто?» или «что?» является источником трансляции человеку по его встроенному в сознание (или бессознательное) «интернету» образов, выходящих за границы мира сего. В практике трансперсональной психологии допускается использование четко не определенных, не операционализированных понятий, взятых из религии, мифологии и являющихся метафорами или житейскими представлениями. За счет метафоричности, образности и эмоциональной насыщенности языка описания, а также за счет утраты четкости и однозначности используемых понятий трансперсональная психология может говорить о реальности, лежащей за порогом научной рациональности, но значимой для экзистенциального бытия человека (проблемы жизни, смерти, творчества, сохранения идентичности, проблемы сопереживания, эмпатии, интеграции с миром, трансцендирования и выхода за рамки индивидуального бытия).

Базовая метафора
трансперсональной
психологии

Если базовой метафорой когнитивной психологии является «компьютерная метафора», рассматривающая мозг человека по аналогии с процессором компьютера,

то, базовой метафорой трансперсональной психологии мог бы стать квантовый компьютер с сетевым интернетом, существующий пока как идея.

Понятие «квантовый компьютер» являет собой некий принцип, идею, не имеющую на данный момент времени физического воплощения. Он аналогичен, например, «машине Тьюринга» – гипотетической виртуальной модели, сыгравший, тем не менее, важнейшую роль в развитии компьютерной техники. Идея квантового компьютера базируется на феномене «квантового сцепления» Эйнштейна-Подольского-Розена (спутанности, «перепутанности» в разных вариантах перевода термина «entanglement»).

Феномен квантового сцепления

Феномен «квантового сцепления» был первоначально сформулирован в противовес теоретической позиции Нильса Бора как парадокс, как то, «чего не может быть». Суть его в том, что если частица и античастица имеют общий источник в их генезисе, то при определении какого-либо параметра одной частицы (например, ее спина, который, согласно принципу В. Гейзенберга [41], не существует до момента самого измерения, но присутствует как потенциальная возможность находиться в том или ином состоянии) ее связанный парный элемент одномоментно обретает противоположную первой характеристику, как бы далеко друг от друга эти частицы не находились.

Нарушается принцип локальности и целостности

Нарушается «принцип локальности» как независимости процессов происходящих в разных концах вселенной. Феномен «квантового сцепления» был экспериментально подтвержден в экспериментах Аспекта [42, 43] и идея целостности бытия – «убери из мира песчинку и рухнет Вселенная» присущая как древнегреческим, так и буддийским философам, обрела новое звучание в рамках квантовой физики.

Буддийская теория кармы и христианское утверждение «по вере же и воздастся», вопрошение А. Эйнштейна «Влияет на космос то, что его в данный момент созерцает мышь» или суждение М. Булгакова «рукописи не горят» оказывается объединенными общей базовой метафорой «не локальности бытия». Все в мире взаимосвязано и имеет отклик: от свершенного действия или поступка, до появившейся в «в голове человека» мысли или порождения образа фантазии.

Метафора работы сознания в трансперсональной психологии

Вернемся, тем не менее, к модели «квантового компьютера» как к метафоре работы сознания в трансперсональной психологии. Принцип гипотетического квантового компьютера основан на «связности» его физиче-

ских носителей, где математическое гильбертово пространство описывает бесконечное множество возможных состояний этого квантового компьютера, имеющего неисчерпаемую емкость и работающего на параллельных процессах. Так почему же гипотетический квантовый компьютер, добавим, подключенный в некий «космический интернет» мы рассматриваем как метафору трансперсональной психологии?

В человеческом мышлении присутствуют элементы квантового компьютеринга

Физик А. С. Холево высказал мнение, что элементы квантового компьютеринга присутствуют в человеческом мышлении. Вот эти феномены:

Способность целостного восприятия информации, в противоположность разложению на составляющие свойства; возможно, глаз, как орган мозга, способен принимать не только классические состояния входящего света, но и непосредственно квантовые состояния фотонов, чем объясняется особая мощь и пропускная способность визуальных коммуникаций и их органическая связь с распознаванием образов.

Дополнительность между «действием» и «размышлением», аналогичная квантовой дополнительности между положением и скоростью, на которую обращал внимание еще Н. Бор, в своих физико-философских эссе (Бор 1961). Примечательно, что при разработке концепции квантовой дополнительности Бор исходил из уже существовавшей аналогичной концепции витализма в биологии.

Черты «сцепленности» (или «нелокальности»), когда информация, содержащаяся в объединении подсистем некоторой сложной системы превосходит арифметическую сумму количества информации, получаемых из подсистем.

Феномен сознания-подсознания. Трудно удержаться от такой (конечно, крайне упрощенной) аналогии: некоммутативная алгебра квантомеханических наблюдаемых, в которой в каждый момент времени «сканируется» некоторая доступная наблюдению коммуникативная – классическая – подалгебра.

Органическое сочетание аналоговых и цифровых методов, эффективный параллелизм обработки информации.

Разумеется, писал А. С. Холево, эти соображения (и другие, такие как наличие интуиции и свободы воли) носят косвенный характер и не влекут с неизбежностью вывода о том что в мозге человека или нервной системе других живых существ присутствуют «квантовые микрочипы» или другие квантово-физические механиз-

Феномен сознания
тесно связан
с физическими
процессами

мы, ответственные за неклассические вычисления и соответствующее поведение [44, с.19].

Известный физик и математик Роджер Пенроуз в своей получившей мировое признание книге «Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики» описал исследования американского ученого Стюарта Хамероффа о возможности вычислений происходящих в микротрубочках цитоскелета клетки [45]. По мнению Р. Пенроуза феномен сознания тесно связан с физическими процессами, происходящими на квантовом уровне и реализуемыми этими самыми микротрубочками, которые на микроскопическом уровне выступают как «клеточные автоматы». Выдающийся физик Р. Фейнман в своё время доказал, что гамильтоновы «клеточные автоматы», под характеристику которых подпадают микротрубочки С. Хамероффа, могут осуществлять вычисления любой сложности [46]. Но важно подчеркнуть, что Р. Пенроуз не сводит сознание к вычислительным процедурам, а объясняет неопределенность и спонтанность исследовавшуюся в виде феномена инсайта в гештальтпсихологии, через редукцию волновой функции, осуществляемую микротрубочками Ст. Хамероффа.

Будущее науки:
реалии
и мифотворчество

Будущее науки покажет верность или ошибочность поиска физических коррелятов сознания в функционировании клеточных цитоскелетов. Вполне возможно, что представлениям Ст. Хамероффа и Р. Пенроуза уготована судьба «животных духов» Рене Декарта (бегавшим по полым нервам и осуществлявшим передачу команд от мозга к эфферентным органам), и они останутся в истории науки о сознании как пример мифотворчества. Но в любом случае, как модель Декарта задавала правильную научную парадигму, где современная наука только заменила «животных духов» на электрические импульсы-спайки, так и соображения Р. Пенроуза о квантовой природе физических коррелятов сознания и феномене редукции волновой функции, как механизме спонтанности и произвольности, останутся базовой парадигмой представлений о физических основаниях механизма сознания.

Вторая компонента
метафоры
трансперсональной
психологии

Остановимся на второй компоненте нашей метафоры трансперсональной психологии «Квантовый компьютер с космическим интернетом». Откуда приходят к нам вещи сны, творческие интуиции, пророчества? Для религиозного человека такой вопрос вряд ли актуален. Но образ ветхозаветного Бога «нашептывающего» нам креативные откровения вряд ли устроит мировоззрение ученого.

От Большого взрыва – момента образования нашей Вселенной до дня сегодняшнего, по мнению современных астрофизиков, прошло не менее 14 миллиардов лет. Земля, как космический объект существует не менее пяти – шести... миллиардов лет, а жизнь на земле возникла 3–4 миллиарда лет назад. Если перефразировать слова Шарля де Костера можно сказать: «Пепел потухших звезд стучит в нашем сердце». Действительно тяжелые элементы периодической таблицы (например, металлы) возникают только при коллапсе (взрыве) сверхновых звезд, когда выгорая, они колапсируя сокращаются до гораздо меньших объемов, тем самым создавая чудовищную температуру и давление. Солнечная система вобрала в себя в себя пепел этих погасших первичных звезд, а в нашем организме содержится, в частности железо как компонент гемоглобина.

Мы – дети космоса

Мы дети космоса и наша эволюция – звено в «Глобальной Эволюции» (или Big History см. Назаретян 2004). При этом согласно вертикали Снукса – Панова [48], показавших экспоненциальный характер динамики земной эволюции (на геофизическом, биологическом и социальном материале) в настоящее время наша цивилизация подошла к моменту исторической сингулярности – к своеобразной точке «бифуркации», когда она либо исчезнет, либо примет иную, возможно не материальную форму. Великое молчание Космоса, по-видимому, может объясняться обеими возможностями. Либо дойдя до определенного уровня развития цивилизация уничтожает самоё себя, например, захлебнувшись в отходах собственного производства, либо переходит в какую-то иную, возможно, не материальную форму. Еще великий космический мыслитель Эдуард Циолковский предположил, что человечество перейдет в будущем, в форму лучистой энергии. Интеграция космических цивилизаций, превзошедших материальный уровень, образует «Космическое сознание» или «Интегральный разум». В этом плане контакт с космическими братьями по разуму следует искать не по проявлениям артефактов материальной культуры, а скорее в медитативных практиках нашего сознания, в глубинах нашего собственно бессознательного. Эти мысли я и выразил в метафоре «квантового компьютера с космическим интернетом» как базовой метафоры в развитии психологической науки будущего.

1. *Богданов А. А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х книгах. – М., 1989.
2. *Ермолаев Б. А., Петренко В. Ф.* К вопросу о глубинных семантических структурах // Структуры познавательной деятельности. – Владимир 1976. – С.107–129.
3. *Филмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 10. – М., 1981.
4. *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. – М., 1960.
5. *Болдырева С. К., Климов Е. А.* Мысли о психике в обыденной речи. – М., 2008.
6. *Петренко В. Ф., Коротченко Е. А.* Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – № 4. – С.19–40.
7. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. – М., 1989.
8. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
9. *Касавин И. Т.* Истина // Новая философская энциклопедия. – М., 2001.
10. *Фролов И. Т.* Перспективы человека. – М., 2008.
11. *Степин В. С.* Теоретическое знание. – М., 2000.
12. *Козлов В. В.* Интегративная психология: пути духовного поиска или освящение повседневности. – М., 2007.
13. *Фрейджер Р., Фейдимен Д.* Личность. Теории, упражнения, эксперименты. – СПб., 2008.
14. *Талбот М.* Голографическая модель Вселенной. – Киев, 2008.
15. *Зинченко В. П.* Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М., 1997.
16. *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. – М., 1974. – С. 33 – 57.
17. *Муканов М. М.* Психологическое исследование рассудка в историческом аспекте. Дисс. ... д. психол. н. – М., 1980.
18. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. – М., 1965.
19. *Лекторский В. А.* Эпистемология. Классическая и неклассическая. – М., 2001.
20. *Касавин И. Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб, 1999.
21. *Микешина Л. А.* Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. – М., 2005.

22. *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. – М., 2002.
23. *Гусельцева М.С.* Понятие прогресса и модели развития психологической науки // *Методология и история психологии.* – № 3. – 2007. – С.107–119.
24. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. – М., 2010.
25. *Корнилова Т. В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. – М., 2007.
26. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности: 3-е изд., доп. – М., 2007.
27. *Петренко В.Ф.* К проблеме психологии сознания // *Вопросы философии.* – 2010. – № 11. – С. 57–47.
28. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. – М., 2010.
29. *Талызина Н.Ф.* Сущность деятельностного подхода в психологии // *Методология и история психологии.* – 2007. – № 4. – С.157–162.
30. *Умрихин В.В.* Историко-методологические проблемы анализа научных школ в психологии // *Методология и история психологии.* – 2007. – № 4. – С. 5–14.
31. *Козлов В. В., Майков В.В.* Трансперсональный ролеkt: Психология, антропология, духовные традиции. – Ярославль, 2007.
32. *Маслоу А.* Психология бытия: Пер. с англ. – М., 1997; *Маслоу А.* Мотивация и личность. – СПб., 1999.
33. *Криппнер С., Богзаран Ф., Карвальо де А.П.* Сновидения: иная реальность. – М., 2011.
34. *Мерфи М.* Будущее тела. Исследование дальнейшей эволюции человека. – М., 2010.
35. *Минделл А.* Тело шамана. – М., 2006.
36. *Тарт Ч.* Измененные состояния сознания. – М., 2000.
37. *Хант Г.* О природе сознания. – М., 2004.
38. *Уолш Р.* Основания духовности. – М., 2004.
39. *Уилбер К.* Око духа. Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира. – М., 2002.
40. *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. – М., 1993.
41. *Гейзенберг В.* Философские проблемы атомной физики. – М., 1953.
42. *Менский М.Б.* Концепция сознания в контексте квантовой механики // *Успехи физических наук.* – 2005. – Т.175. – № 4. – С. 414–434.

43. Менский М.Б. Человек и квантовый мир. – Фрязино, 2007.
44. Холево А.С. Квантовая информатика: прошлое, настоящее, будущее // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2009 года. – М., 2011. – С. 10 – 20.
45. Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. – М., 2008.
46. Малинецкий Г.Г. Синергетика, нелинейность и концепция Роджера Пенроуза // Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. – М., 2008.
47. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика – психология – прогнозирование. – М., 2004.
48. Панов А.Д. Единство социально-биологической эволюции и предел её ускорения // Историческая психология и социология истории. – 2008. – Т.1. – № 2. – С. 25–48.
49. Гроф С. Космическая игра: Исследование рубежей человеческого сознания. – М., 2004.
50. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. – М., 1996.
-

